

Пролог

*Бэрронс, Вермонт
Ноябрь 1950 г.*

Когда девочка преодолела подъем на Олд-Бэрронс-Роуд, солнце уже скрылось за горизонтом. Наступала ночь, а идти оставалось еще три мили.

Воздух в сумерках стал густо-синим и студеным, контуры окружающих предметов в нем расплывались, будто в дыму. Прищурившись, девочка оглянулась на дорогу. Холодный ветер ерошил ее волосы и забирался под воротник. Вроде бы ее никто не преследовал.

Но она все равно приказала себе: «Быстрее».

И заспешила дальше. Из-под подошв ее тяжелых школьных ботинок разлетались камушки, ее длинные ноги разъезжались, как у жеребенка. Серая шерстяная юбка была ей мала и не доставала до колен, но сейчас девочке было не до этого. В чемодане, который бил ее по ногам, лежала еще одна юбка, от школьной формы. Скоро она в нее переоденется.

«Если повезет».

«Прекрати, дурочка! Лучше поторопись».

Ручка чемодана скользила в ее потной ладони. Она почти выронила его, когда вытаскивала из автобуса на остановке. Всю дорогу она смотрела в

окно. Подмышки у нее намокли, по спине стекал пот. «У тебя все нормально?» — спросил водитель, заметив страх на лице девочки.

«Да-да», — она натужно улыбнулась, помахала ему и отвернулась, ударив себя чемоданом по коленям, стараясь идти так, будто перед ней шумная улица большого города, а не полоса растрескавшегося асфальта под названием Норт-Роуд. Тени стали длиннее. Она обернулась, когда у автобуса закрылись двери, и еще раз — когда он отъехал от остановки.

Кроме нее, из автобуса никто не вышел. Единственными звуками, которые она слышала, были шорох ее ботинок и далекий крик ворона. Она была одна.

Ее никто не преследовал — пока.

Часто дыша от быстрой ходьбы, девочка пошла по Олд-Бэрронс-Роуд. Она заставляла себя смотреть вперед, чтобы не искушать судьбу. Если не оборачиваться, за спиной не появится ничего плохого.

Снова подул холодный ветер, и ее взмокшая одежда заледенела. Не сбавляя шага, девочка наклонилась вперед. Можно было срезать через лес, пройти напрямую до спортплощадки, а там уже был шанс встретить кого-то из ее общежития. Это будет быстрее, чем идти кружным путем до парадного входа Айдлуайлд-холла. Но тогда девочке пришлось бы сойти с дороги в темноте, а в лесу легко сбиться с пути. Она не могла решить, что лучше.

Сердце девочки забилося сильнее, но потом вернулось к обычному ритму. Такое часто случалось с ней от перенапряжения или страха. От ядовитой смеси того и другого у нее ненадолго закружилась голова, мысли запутались. Здоровье у нее еще не пришло в порядок. Хотя девочке было уже 15 лет, грудь у нее еще не выросла, а месячные начались только в прошлом году. Врач предупреждал ее, что такая задержка

возможна — это, мол, естественное биологическое следствие недоедания. «Ты еще молода и быстро восстановишься, — сказал он ей, — но для твоего организма это был сущий ад». Некоторое время девочка не могла забыть эту фразу, та то и дело всплывала в ее мыслях. «Для организма это был сущий ад». В каком-то смысле это было даже смешно. Когда дальние родственники, поглядывая на нее искоса, спросили, что сказал врач, она ответила: «Говорит, для организма это был сущий ад». Ответ их ошарашил, и девочка попыталась их как-то успокоить: «По крайней мере, у меня все зубы на месте». Они отвели глаза, не понимая, какое это достижение — сохранить все зубы. С тех пор она старалась молчать.

До главных ворот Айдлуайлд-холла теперь было ближе. Память девочки работала странно: она забыла имена половины одноклассниц, но до сих пор помнила обложку ежегодного альманаха для девочек «Блэкиз Герлз», который нашла на полке в школьном общежитии. На ней была девчонка в платье с низкой талией в стиле 20-х годов с резвым псом на поводке. Она стояла на склоне холма, прикрывая глаза от солнца ладошкой, и ветер развеивал ее волосы. Девочка так часто смотрела на эту обложку и так часто видела ее в своих снах, что могла воспроизвести каждую черточку рисунка. Частично его очарование крылось в невинности, в молочной чистоте героини, которая всего лишь вышла прогуляться с собачкой, не задумываясь о врачах, зубах, болячках, струпьях и прочих неприятных вещах, которые у любого другого человека, как он ни старайся вычеркнуть их из памяти, всплывали в ней помимо его воли.

Девочка не слышала ничего за своей спиной. Она просто почувствовала, что там кто-то есть. За свистом ветра в ушах и стуком ее башмаков пряталось эхо какого-то другого звука, почти незаметный

шепот, на который был настроен ее слух. На этот раз она повернула голову, — в шее что-то хрустнуло, словно в знак протеста, — и увидела фигуру на дороге. Она уже преодолела подъем по Олд-Бэрронс-роуд и начала спускаться вниз.

«Из автобуса ведь вышла только я. Больше никого не было».

Но она ведь всегда знала, что так будет. Вот почему девочка все это время шла так быстро, не чувствуя лица от холодного ветра. Теперь она почти перешла на бег. Становилось все темнее, и она отчаянно моргала, оглядываясь вокруг и пытаясь узнать места. Сколько еще до школы? Успеет ли она?

Девочка снова оглянулась. В сгущающихся сумерках она разглядела длинную черную юбку, узкую талию и дымчатую вуаль на лице женщины, колышущуюся на ветру. Под подолом двигались невидимые ноги. Фигура становилась все отчетливее, потому что женщина приближалась. Она не ускоряла шаг, но каждый раз, когда девочка оглядывалась, расстояние между ними сокращалось. Лица за вуалью было не разглядеть, но девочка знала, что глаза женщины прикованы к ней.

В панике она резко свернула с дороги в лес. Тропы не было, и она начала с трудом пробираться через густые заросли. Сухие стебли кололи ей ноги даже через колготки. Через несколько мгновений дорога исчезла из поля зрения, и она пошла наугад, надеясь, что все еще движется по прямой в сторону спортплощадки Айдлуайлд-холла. Неровная почва замедляла шаг, пот стекал между лопаток и пропитывал дешевую хлопковую блузку, которая прилипала к коже. Чемодан становился все тяжелее, и скоро девочке пришлось его бросить. Она не слышала ни звука, кроме собственного дыхания, резкого и дрожащего.

Сломанные девочки

Вдруг ногу пронзила боль — девочка подвернула лодыжку. Но останавливаться было нельзя. Прическа растрепалась, а ладони были расцарапаны ветками, которые она отводила от лица. Девочка продолжала бежать. Впереди уже виднелась старая ограда Айдуайлда — через сломанные и прогнившие штакетины легко можно было пробраться внутрь. За спиной она не слышала ни звука. А потом услышала.

«Мэри Хэнд давно умерла
И из могилы к тебе пришла.
Поспеш. Не дай ей до тебя добраться.
Будет плакать она и просить...»

Деревья впереди становились реже, и через них было видно поле, залитое жемчужно-белым светом месяца.

«Но не вздумай ее впустить».

В груди у девочки жгло, из горла вырвался всхлип. Она не готова. Не готова! Несмотря на все, что случилось, — а может, как раз из-за этого. Кровь все еще стучала у нее в висках, ее тело все еще боролось за жизнь. Но в один момент, полный чистой и жуткой ясности, она поняла, что эта борьба бессмысленна.

Девочка всегда знала, что чудовища существуют. И теперь они были здесь.

Она обернулась в темноту и закричала.

Глава 1

*Бэрронс, Вермонт
Ноябрь 2014 г.*

Резкий звонок мобильного телефона заставил Фиону вздрогнуть на водительском кресле. Она подалась вперед и схватилась за руль, вглядываясь в темноту за лобовым стеклом.

Фиона моргнула, чтобы сконцентрироваться. Она что, уснула? Она помнила, как припарковалась на усыпанной гравием обочине Олд-Бэрронс-Роуд, чтобы посидеть в тишине и подумать. Видимо, она задремала.

Телефон, лежащий на пассажирском кресле, снова зазвонил. Фиона быстро протерла глаза и взглянула на светящийся в темноте экран. Там значилось имя Джейми и время — три часа ночи. Если бы Деб дожила до этого дня, сегодня ей исполнилось бы 40 лет.

Фиона взяла телефон и ответила на звонок:

— Джейми.

Его голос на том конце, заспанный и осуждающий, был похож на густой рокот.

— Я проснулся — а тебя нет.

— Я не могла уснуть.

— И поэтому нужно было уезжать? Что за фигня, Фи? Ты где?

Она открыла дверцу машины и свесила ноги наружу. Воздух был прохладным. Она ожидала, что Джейми разозлится, но ничего не могла поделать.

— На Олд-Бэрронс-роуд. Сижу в машине на обочине внизу холма.

Джейми замолчал — она знала, что он высчитывает в уме дату. День рождения Деб.

— Фи.

— Я собиралась просто поехать домой. Честно.

Она вышла из машины, чувствуя, что отсидела ноги. Холодный воздух резко, как пощечина, выбил из нее остатки сна, ветер взъерошил волосы. Она дошла до дороги и поглядела в обе стороны, засунув свободную руку в карман ветровки. С той стороны, откуда она приехала, виднелся дорожный знак — 30 миль до Берлингтона — и размытыми огнями светилась круглосуточная заправка на холме. Еще выше по дороге, за холмом, был перекресток с Норт-роуд с кучей ресторанов фаст-фуда, еще несколькими заправками и парой неизвестно на что надеющихся в этой глуши гипермаркетов. В противоположном направлении, впереди машины, зияла только темнота, как будто Олд-Бэрронс-Роуд внезапно обрывалась.

— Тебе не обязательно было ехать домой, — сказал Джейми.

— Я знаю, — ответила Фиона. — Но мне некуда было себя деть, а тебя будить не хотелось. Поэтому я уехала и только потом подумала.

Он вздохнул. Фиона представила его в этот момент: на нем старая футболка и боксеры, он откидывается на подушки, и, когда прикрывает рукой глаза, его мышцы перекачиваются под кожей. В половине седьмого Джейми нужно было вставать на смену. Она действительно не хотела его будить.

— О чем задумалась?

— О том, сколько машин ездит ночью по Олд-Бэрронс-Роуд. Если оставить машину у обочины, сколько времени пройдет, пока кто-то проедет мимо и заметит ее? Копы говорят, что Тим Кристофер не мог так долго прятать здесь свою машину, но ведь на самом деле они не проверяли эту гипотезу, так?

Ну вот, началось. Ее демон вырвался наружу и заговорил. А ведь она научилась так хорошо его скрывать. Эта идея не давала ей покоя несколько недель перед днем рождения Деб. Фиона старалась сдерживаться, но сегодня, лежа без сна, поняла, что больше не может.

— Плохо, если не проверяли, — сказал Джейми. — И ты это знаешь. Я понимаю, что ты много думаешь о сестре. Но горевать — это одно, а поехать в Айдлуайлд — это совсем другое, Фи.

— Я знаю, — ответила Фиона. — И я знаю, что мы с тобой уже про это говорили. И с терапевтом. И что прошло двадцать лет. Я пыталась не заикливаться, честно. — Она не хотела, чтобы ее голос звучал умоляюще, но он себя выдал. — Просто выслушай меня, хорошо?

— Окей, говори.

Фиона сглотнула.

— Я приехала и припарковалась на обочине. И присидела здесь, — она взглянула на часы, — полчаса. Полчаса, Джейми. Мимо не проехало ни одной машины.

На самом деле, по ее расчетам, она провела здесь 45 минут, но 15 из них проспала в машине, поэтому не брала их в расчет.

— Он вполне мог припарковаться здесь и сделать это. До Айдлуайлд-холла здесь 10 минут через лес. У него была куча времени.

Она слышала дыхание Джейми в телефонной трубке. Они были вместе уже год, — ее саму это

иногда удивляло, — и Джейми понимал, что обычные пустые фразы здесь будут не к месту. Какая разница, это ее не вернет. Преступник уже за решеткой. Это было 20 лет назад. Тебе нужно жить своей жизнью. Вместо этого он сказал:

— В девяносто четвертом году на Олд-Бэрронс-Роуд все было по-другому. В восточной части еще существовал кинотеатр для автомобилей. Не то чтобы там было много посетителей, но подростки часто там собирались, особенно на Хэллоуин.

Фиона заставила себя проглотить слова протеста, поднимавшиеся в горле. Джейми был прав. Она зябко вздрогнула и посмотрела через дорогу, в темноту. Когда-то кинотеатр находился там, но сейчас на его месте было пусто. Экран давно сняли, киоск с попкорном снесли, осталась только поросшая травой поляна посреди деревьев. Фиона вспомнила, как в детстве умоляла родителей свозить их с Деб сюда, думая, что это будет какое-то удивительное приключение, настоящий пир для всех чувств. Но она быстро поняла, что это бесполезно. Ее родители-интеллектуалы скорее полетели бы в космос, чем пошли в кинотеатр на «Полицейского из Беверли-Хиллз 2». Деб, которая была на три года старше и умнее, только пожала плечами — а ты, мол, чего ожидала?

— В четверг в ноябре в кинотеатре под открытым небом вряд ли было много детей, — ответила она.

— Но кто-то все-таки был, — сказал Джейми. В его голосе звучала простая логика человека, жизнь которого еще ни разу не разваливалась на куски. — И никто из них не видел машину Кристофера. Следствие все это выяснило.

Фиона чувствовала, как ей на глаза давит усталость, но внезапно проснувшаяся энергия не давала ей стоять спокойно. Она повернулась спиной к

холму и огням заправки и, оставляя машину позади, пошла вперед, в темноту.

— Понятное дело, ты думаешь, что они все выяснили, — ответила она Джейми, и это прозвучало более резко, чем она рассчитывала. — Ты же коп, ты обязан в это верить. Девушку убили, величайшие умы штата Вермонт раскрыли дело, и плохой парень отправился за решетку. В твоём мире это так выглядит.

Гравий на обочине хрустел под подошвами ботинок, ветер продувал Фионе джинсы и охлаждал ноги. Ее тело вздрогнуло от волны холода, пробравшейся сквозь одежду. Она подняла воротник.

Джейми не поддавался на провокацию — одна из его черт, которая так ей импонировала.

— Фиона, я знаю, что они все выяснили; знаю, потому что читал материалы дела, и не один раз. Как и ты, что вообще-то на моей работе считается нарушением правил. В них вся информация. И по-другому ее не истолковать.

— Конечно, это же была не твоя сестра, — сказала Фиона.

Джейми помолчал, словно признавая это, а затем продолжил:

— Тима Кристофера обвинили, судили и признали виновным в убийстве Деб. Последние 20 лет он провел в тюрьме строгого режима. Но ты все еще едешь на Олд-Бэрронс-Роуд в три часа ночи.

Чем дальше она шла, тем темнее становилось. К тому же на нее будто обрушилась волна холодного воздуха — она уже не чувствовала собственного носа. Ей пришлось плотнее запахнуть куртку.

— Я хочу понять, как он это сделал, — сказала она.

В 1994 году тело ее задушенной сестры нашли посреди поля для хоккея с мячом у заброшенной школы Айдлуайлд-холл. Ей было двадцать лет. Она лежала

Сломанные девочки

на боку с прижатыми к груди коленями и открытыми глазами. Рубашка и лифчик на ней были разорваны. Последний раз ее видели в общежитии колледжа в тридцати милях отсюда. Ее парень Тим Кристофер был обвинен в убийстве и провел в тюрьме 20 лет. Он до сих пор утверждал, что невиновен.